

10 КРУГОЗОР 69

Москва. 7 ноября 1919 года. Красная площадь. На небольшом возвышении у Кремлевской стены в группе товарищей — Председатель Совета Народных Комиссаров В. И. Ленин.

Владимир Ильич поворачивает голову, наблюдая за проходящими колоннами. Он улыбается, приветственно поднимает руку или по-военному подносит ее к шапке. На лице заметны утомление и озабоченность. Чрезвычайно напряженными были последние дни. Ильича очень беспокоят положение на фронтах, трудности внутри страны. Накануне праздника В. И. Ленин председательствовал на заседаниях Совнаркома и Совета Оборон.

«ПОСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТА ОБОРОНЫ ПО БОРЬБЕ С СЫПНЫМ ТИФом НА ВОСТОЧНОМ И ТУРКЕСТАНСКОМ ФРОНТАХ»

Москва, Кремль, 5 ноября 1919 г.

«ДЕКРЕТ СОВЕТА ОБОРОНЫ О ПРИЗЫВЕ НА ДЕЙСТВИТЕЛЬНУЮ ВОЕННУЮ СЛУЖБУ ЛЕКАРСКИХ ПОМОЩНИКОВ»

Москва, Кремль, 5 ноября 1919 г.

В ЗВУКОВУЮ
КНИГУ О
В. И. ЛЕНИНЕ

1919-Й, ОКтябрьский ПАРАД

А. ПЕТРОВ

Эти и другие важные государственные документы, принятые в предпраздничные дни, подписал В. И. Ленин.

А сколько еще других неотложных дел пришлось на эти дни! «ПРИВЕТ ПЕТРОГРАДСКИМ РАБОЧИМ» — так называлась статья В. И. Ленина, только что опубликованная в газете «Петроградская правда».

«В день двухлетней годовщины Советской республики, — писал Владимир Ильич, — первого привет заслуживают петроградские рабочие. Как авангард революционных рабочих и солдат, как авангард трудящихся масс России и всего мира, петроградские рабочие первые свергли власть буржуазии и подняли знамя пролетарской революции против капитализма и империализма.»

Два года рабочие и трудящиеся крестьяне Советской республики удерживают победоносно это знамя вопреки всем трудностям и мучениям голода, холода, разрухи, разорения...

Буржуазия всего мира, и русская особенно, уже превжушала победу. Но вместо победы они получили поражение под Петроградом».

Газета «Правда» 6 ноября поместила статью В. И. Ленина «Советская власть и положение женщины». В ней писалось: «Мы утверждаем, что советский переворот дал невиданный в мире толчок развитию демократии и вглубь и вширь, притом демократии именно для трудящихся и угнетенных капитализмом масс...»

Накануне праздника Владимир Ильич участвовал в заседании Политбюро ЦК РКП(б) и выступил с докладом о предложении мира. На заседании обсуждался вопрос о созыве VIII Всероссийской партийной конференции и VII Всероссийского съезда Советов.

После окончания праздничной демонстрации, вечером, Владимир Ильич выступил на совместном заседании ВЦИК, Московского Совета, ВЦСПС и фабрично-заводских комитетов, посвященном второй годовщине Октябрьской революции.

«Товарищи! В последнее время,— говорил Ленин,— мы наблюдали особенно блестящий пример того, каким успехом сопровождалась наша работа. Мы знаем, как широко распространились среди сознательных рабочих субботники. Мы знаем наиболее измученных голодом и холодом представителей коммунизма, которые в тылу приносят не меньшую пользу, чем Красная Армия приносит на фронте...»

Мы говорим рабочим, откуда надвигается на нас та или иная опасность, куда нужно и из какого района бросить новые силы, и мы уверены, что так же, как в прошлом году мы преждали трудности с хлебом, так и теперь мы победим наши затруднения в топливном вопросе».

На фотографиях рядом с Владимиром Ильичем Лениным вы видите двух мальчиков. Один из них — сын старого большевика Стеклова, Владимир Юрьевич выступает с воспоминаниями на первой звуковой странице, которая называется «Ленин на Октябрьском параде».

Нет ничего удивительнее степной, протяжной русской песни, когда кажется, что она не столько поется, сколько рождается прямо на глазах заново. Люди поют ее, а мнится, что они ее только сейчас сложили.

Долина, долинушка,
Долина широкая,
Приволье хорошее!
На той долинушке
Лежала тропинушка,—

начинается песня вроде бы с ничего, но такова она, русская песня,— все в ней спрятано в мелодию, в сочетание, в сцепку простых, доверчивых слов. И только когда люди расплоются, распознаешь, что «долинушка» не зря здесь поется, а потому, что привык русский человек мыкать свою печаль во широком поле, где про-

Многие русские песни от того, как они поются, обретают новое, зачастую даже неожиданное назначение. Если, скажем, протяжно, без подголосья — чаще всего печаль одиночества; а в согласье, в хоре, выходит, что печаль эта минует, что песня погрузит — и отпустит. А если песня поется быстро, залихватски, тогда уже, несмотря на обычные, мягкие, лирические слова, песня приобретает мужественное звучание. Ведь даже солдаты наши любят петь «Эй, вы, сени, мои сени». Никого даже намека на воинственность ни в словах, ни в мелодии нет, а песня все-таки поднимает дух, заставляет утраченной и веселей биться сердце.

В тех местах, где я вырос, в семиреченских казачьих станицах, любят песню по-особому: без песни не обходится ни праздник,

ПОВТОРИТСЯ В ПЕСНЕ

Владимир ЦЫБИН
Фото Г. Костенко

стора отмерено на целые государства...

А начинают песню, если она хорошая, задушевная, не сразу, загодя готовятся к ней. Женщины долго ходят на спевки, долго примеряют свои голоса друг к другу, так, чтобы они не мешались, а звучали согласнo и в отдельности тоже были бы слышны. Если голос тяжеловат, с ленцой и хрипотцой, ему не дают выделяться,— такой голос оставляют на подхват. Но и сильные голоса приберегаются для подхвата, потому что, когда первые голоса, особенно ведущий, иссякают на высокой ноте, тут нужна новая волна, поднимающая песню еще выше.

Я люблю слушать деревенские девичьи спевки. Сначала вроде даже не получается. И кто-нибудь из самых нетерпеливых просит:

— Ты дискань напоследок, сразу не нужно.

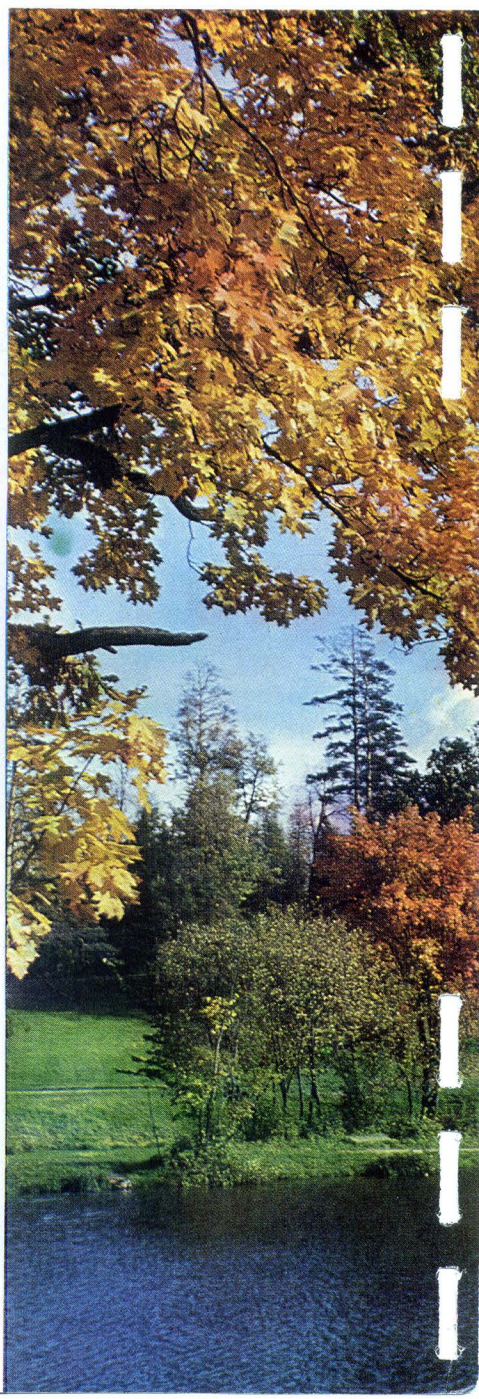
И вот мало-помалу голоса привыкают друг к другу, и песня приобретает свой особый смысл.

ни встреча, ни провожание. Обычно скупые на слова, люди в песне выговаривают всю душу, все то, что на народе стесняются сказать.

Чьи это сени, сени без подволоки?
Чья это шуба, шуба без поволоки?
Чьи это дети, дети без батюшки
остались?—

жалуется в песне чья-то душа, не сказано удивляясь жизни и тому внутреннему доверчивому общению, которое может дать только песня.

В песне русский человек привык и исповедоваться в своей судьбе, и надеяться на жизнь, и верить, и удивляться. Только ей, песне, подвластно выразить, так ясно обозначить нежное вещество человеческой души. Не зря так упорно хранятся в

глубинных краях России все эти песенные распевы — свадебные величальные, веселые и озорные, когда русский человек хочет отвести от себя душевные заботы; забавные, пересмешливые, ради молодецкой потехи; удалые, с присвистом и гиканьем, когда люди поднимались ради справедливого ратного долга. Русская песня учит терпеливости сердца, и в ней хранится народная память.

Это память людей, память о бесчисленных испытаниях. Вот почему основное содержание таких песен — чувство справедливости. Не зря в народе говорится: «Что от людей утаится, то в песне повторится». Так что в песне явственно выступает высокое нравственное начало, совесть, так как «все, что приведется, то в песне споется». И я вижу в этих песнях великое назначение воспитывать в человеке чувство правды, растить душу, потому что душа в человеке тоже может расти.

Нередко встречал я по многочисленным российским краям песенников. Нет, не просто людей, любящих петь, а хранителей каждого, порой редчайшего распева.

Тихо, почти на цыпочках идет по светлой горенке песенка, тихо, как ходит под окнами текучая апрельская капель, тихо-тихо, так, что, кажется, сердце слышной бьется, чем песня. Но вот откуда-то издали идет нарастание — все слышней и слышней, и вот уже ты слышишь внятные слова, внятный шепот чужой радости и печали, и вот разом, как в ливневую пору, хлынет на тебя песня, зазвенит на самой высокой чоте и долго будет висеть подобно жаворонку на незримой своей паутинке; и до тех пор будет звать тебя одинокий, зазывной голос, пока ты не примешь эту песню в сердце, как свою, пока не выйдет так, что все, о чем поется, — это про тебя.

А песня несется вдаль, в леса, где стоит сияние от берез, где на каждой ветке — по словью, по своей лесной песне...

*На звуковой странице
слушайте русские
лирические песни*

Хосе Асунсьон ФЛОРЕС. Они вошли в мою жизнь почти одновременно — музыка и политика. Дело не только в том, что я никогда не мыслил себе жизни, запертой в замок звуков; дело не только в том, что социальные проблемы, проблемы жизни моего народа всегда волновали меня. Я всегда ощущал, как слиты они воедино. Выходец из беднейших слоев, я с детства узнал нужду. Полубив народную музыку, я видел, как в ее зеркале отражалась эта нужда, скорбь и жажда преобразования жизни. Позднее я видел, как североамериканский империалистический диктат коверкает равно и экономику и культуру (значит, и музыку!) Парагвая. Как же я мог разделять в своем сердце язык музыки и язык политики, языки, на которых я говорю всю жизнь!

Искусство — это всегда выражение идеи. Чувство, оплодотворяющее искусство, тоже рождается из идеи. И если музыка сама по себе — выражение политической концепции (а для меня это только так), политика тоже своего рода искусство, ибо это целый комплекс, комплекс идей, чувств, мыслей, которыми нужно искусно владеть.

Я прожил нелегкую жизнь скитальца по дорогам и политическим тюрьмам, жизнь эмигранта-изгнанника и коммуниста-подпольщика. Жил в индейских резервациях и в городских трущобах. На бесконечных дорогах Парагвая и других стран Латинской Америки я смотрел в глаза людскому горю и слушал горестные песни. И когда пытался дать новую жизнь парагвайскому фольклору, возрождая народные мелодии в своих сочинениях,

разве мог я не открыть существа того, о чем вествовали они?

Вот уже много лет, как я связал свою жизнь с движением сторонников мира. Я проповедовал их идеи с трибун конгрессов и с концертных эстрад, написал симфоническую поэму «Голоса земли», в которой пытался передать мое понимание того, каким должен быть мир и как важно его защищать. Мне казалось, что форма симфонической поэмы наиболее органична для передачи этой идеи, ибо симфоническая поэма сама по себе — движение, отрицание статики. А движение — вечная непрерывность жизни. Той жизни, в которой все связано между собой — философия, политика, искусство, культура. Чтобы расторгнуть их, нужно порвать самую нить человеческого существования. Оттого-то, по моему глубокому убеждению, не может быть безыдейной музыки. Оттого-то политика и музыка — кровные сестры. Их родство освящено кровью, пролитой за верность своим идеям в сражениях и тюрьмах лучшими сынами народа, которым помогают в борьбе и песни.

Политика и музыка. Сорок лет они были главными векторами моей жизни, и, может быть, потому я могу сегодня подойти к наиболее ответственной вехе своего труда — большому сочинению, посвященному В. И. Ленину. В этом произведении постараюсь выразить все самое значительное и дорогое, что сумел понять и постичь.

Интервью вела Галина ШЕРГОВА.

КОММУНИСТ — ЭТО БОЕЦ

Хосе Асунсьон Флорес. Это имя можно прочесть на грампластинках и в политических отчетах.

На концертных афишах и в донесениях латиноамериканских охранок — в списках «особо опасных».

О Флоресе с равным правом можно сказать: это один из основателей Парагвайской коммунистической партии. И он же один из родоначальников новой музыки Парагвая.

Поэтому, когда корреспондент «Кругозора» разговаривал с Хосе Асунсьоном Флоресом, он говорил с композитором и борцом.

Михаил ЛЬВОВ

Сходство

Забыв о деле и безделье,
Ненужных слов не говоря,
Мы в телевизоры глядели
Двадцать второго января:
Слетавши в космос,
И — снова с нами — словно в завтра,
Четыре новых космонавта
Сидят на празднике в Кремле!
Еще недавно невесомы,
Почти что ангелы вдали
По небу с легкостью несомы,
Теперь — «нормальные» и «весомые» —
На Землю милую сошли...
Пока их знали по газетам,
По именам, родным уже,
По предварительным портретам

И наспех сделанным клише...
Сидят живые — не на фото —
Среди бессмертных и живых.
И вдруг гагаринское что-то
Мелькнуло нам в одном из них!
Мы это сразу ощутили,
Мы это сразу обрели!
Об этом все заговорили
И насмотреться не могли.
Мы были рады, словно дети!
Через экран волшебство
Был виден Ленин на портрете
И продолжалось торжество.

Ленин

Он был велик не для себя
И не для личного удобства:
Был весь народ — его семья,
За наши судьбы морщил лоб свой,
На всю страну, на целый свет
Его заботы простирались,
В глазах, вмещавших целый век,
Границы узкие стирались.
Он бескорыстно был велик,
Не о своей судьбе бессонясь,

Сжигал себя в ночах бессонниц,
Как участь гения велит.
Эпоха

с каждым днем
сложней,
Борьба сложнее с каждым годом, —
И Ленин с каждым днем нужней
И лично людям и народам.

Станция Разлив

Вы поступили просто, как пророки,
Кто выбирал — еще в другие сроки —
Широкое название Разлив!
Какие тут заканчивались сроки!
Какие тут дописывались строки!
Какой отсюда начался разлив!
...Последние кануны завершались!
И Ленин шел лугами не спеша.
И судьбы Революции решались
у стога сена и у шалаша.

Глубокая ночь. Тихо. Я возвращаюсь домой из дальнего района, где выступала перед избирателями. Вдали засветились огни. Скотный двор. За ним, чуть поодаль, раскинулась Саметь.

Всегда, откуда бы я ни возвращалась, от взрослых детей ли своих, из других ли городов, при виде нашей Самети душа моя наполняется радостью, и я с волнением говорю себе: «Вот и мой дом».

За последние годы я много поездила по свету. Побывала в Польше, Чехословакии, ГДР. Была во Франции. Там мне пришлось держать речь перед учеными, занимающимися вопросами сельского хозяйства. Французы — народ веселый и добродушный, жаль только, что многие, как я поняла, очень приблизительно представляют себе жизнь советского крестьянства. К примеру, меня спрашивали: верно ли, что колхозники спят и видят, когда распустят колхозы? Я рассказала, как много получили крестьяне, объединившись в колхозы. Всем, что у нас есть, мы обязаны Советской власти, колхозному строю.

Высока у нас оплата труда. На выход приходится в среднем четыре рубля. Колхоз отпускает колхозникам ссуды (в рассрочку на два-три года) для постройки домов, выдает кредиты на покупку мебели, телевизоров. Давно у нас в Самети работают ясли и детский сад. Детей мы там содержим бесплатно. Даже костюмчики для них покупаются за счет колхоза. Ученикам школы выдаются бесплатные завтраки, а если выпускник нашей восьмилетки захочет выучиться на механизатора, ему колхоз ежемесячно выплачивает 35 рублей стипендии. Введены у нас платные отпуска по беременности и родам. И обычно выплаты эти большие — 280—290 рублей. Пользуются колхозники и ежегодными оплачиваемыми отпусками. Вот так мы и живем.

Но были и другие вопросы, подчас очень колкие. Почему, мол, вы, мадам Малинина, рассказываете о хорошем, а о плохом ни слова?

Здесь мой дом

2

— Да,— говорю,— есть, к сожалению, у нас еще недостатки. И немало их. Только я привыкла делиться с другими хорошим, а не плохим. Я, как к вам приехала, так говорю: «Покажите мне самые хорошие хозяйства, чтоб могла я там опыт перенять. Хочу посмотреть самый продуктивный снот, сравнить с нашей костромской породой. А плохих коров чего мне смотреть? Неужто я захочу таких у себя иметь? Так и вы: плохие перенять не захотите, а хорошему вам есть чему поучиться у нас».

...Машина резко затормозила. В черной ночи приветливо светятся огнями окна моего дома.

Дуня, сестра моя, не дождалась меня, уснула. Я долго стучала, пока она не проснулась и не открыла дверь. С закрытыми глазами спросила, не хочу ли я есть, и тут же свалилась на кровать и снова уснула.

Зажгла в кухне газовую плиту, поставила чайник, вспоминаю, как недавно мы с сестрой разговаривали.

— Вот ежели бы мы с тобой сейчас молодыми были,— сказала Дуня,— непременно бы учились. Ты с твоим-то голосом уж, может быть, в Москве, в Большом театре пела бы, а я плясала, в «Березку» мне прямая дорога была бы...

Я промолчала, ничего тогда не ответила сестре, только подумала про себя: Большой театр — это хорошо, но я всю жизнь посвятила сельскому хозяйству, и, если бы мне была отпущена вторая жизнь, я бы ее прожила так же.

Наш труд сложен, он требует от человека больших душевных сил, упорства, ищущей мысли, он требует любви к себе. Вот почему к нам идут люди с щедрой душой, они знают: в сельском хозяйстве еще непочатый край работы.

Прасковья МАЛИНИНА, председатель колхоза «XII Октябрь»

с. Саметь, Костромская область.

Фото Л. Лесных

Однажды на проспекте Калинина, в военном универмаге, в отделе, где продаются орденские ленты и планки, к прилавку подошла пожилая женщина и попросила продавщицу укрепить на планку пять орденских колодок.

- Каких орденов?
- Ордена Ленина...
- Пять?
- Пять?
- Ордена Ленина?
- Ордена Ленина...

Продавщица с любопытством смотрела на покупательницу. Добро бы выдавший виды генерал, а то женщина, по-деревенски повязанная платком.

Это была Прасковья Андреевна Малинина — председатель колхоза «XII Октябрь», Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии, единственная в стране женщина кавалер пяти орденов Ленина.

Недавно по просьбе «Кругозора» я встретился с Прасковьей Андреевной в ее родном селе Самети, расположенном на берегу рукотворного Костромского моря. Вы прочтаете воспоминания Малиновой, а на звуковой странице услышите ее раздумья о колхозной деревне. Прасковья Андреевна принимала участие в разработке проекта нового Устава сельскохозяйственных артелей, который будет утверждаться на третьем Всесоюзном съезде колхозников.

Ю. ЧЕРНЯК,
корр. Всесоюзного радио.

На фото (справа): Прасковья Малинина — запевала колхозного хора, который получил диплом на Всероссийском смотре художественной самодеятельности.

Их пятеро — разных по возрасту, по музыкантскому опыту. Федор Плятт — композитор и клавесинист — долгое время выступал в камерном оркестре Р. Баршая. Игорь Попков — лауреат Всесоюзного конкурса скрипачей. Гобоист Анатолий Корчагин пришел из оркестра Московской филармонии. Виолончелист Борис Шишкин и флейтист Александр Поплавский — студенты.

Все вместе — «Барокко» — ансамбль, исполняющий музыку старых мастеров.

Условно к старинной музыке можно отнести все, что было создано на протяжении «добетховеновской» эры музыкального искусства, охватившей приблизительно три столетия — XVI, XVII, XVIII.

Эстетические ценности произведений композиторов той поры (не только титанов, подобных Генделю, Баху, Моцарту, но и менее крупных или совсем малоизвестных) постепенно возрождаются и открываются все большему кругу слушателей.

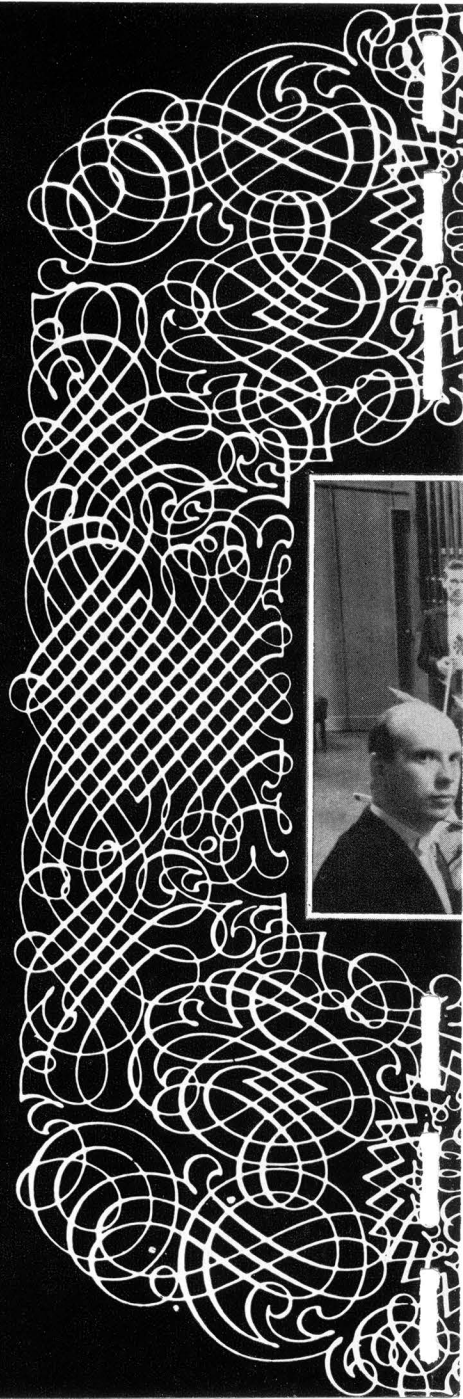
В чем же состоит притягательная сила этой музыки, пришедшей из далекого прошлого к нам, в век кибернетики, атома и космоса? Вопрос сложный и чрезвычайно интересный.

ПРО СЛАВСКОЕ

Впечатления, которые мы получаем от произведений искусства минувших веков, всегда носят двойственный характер. Мы не только ощущаем в них своеобразие эпохи, ее атмосферу и колорит, но и постигаем мир людей прошлого, знавших, как и мы, борьбу, любовь, радости и страдания, ссменения и надежды. Воплощенный в живописных, музыкальных образах, этот мир становится для нас близким и понятным, а само искусство, несмртя на его более чем почтенный возраст, остается юным.

Современного слушателя в старинной музыке особенно привлекает, по-видимому, стройность и ясность формы, гармония разума и чувства, которую не всегда можно встретить у романтиков XIX и модернистов XX столетия, мелодическая красота, изящество, остроумие.

Интерес к старинной музыке, бесспорно, связан с возрождением ряда старинных инструментов. Сейчас уже немисливо представить себе партию старых мастеров без участия клавесина. Появляются и такие, казалось бы «музейные», инструменты, как смычковые виолы, продольные флейты, трубы высокого регистра. Эти инструменты придают звучанию камерного оркестра или ансамбля неподражаемо своеобразную окраску.

Как исполнять старинную музыку? О том, как игралась эта музыка при жизни ее авторов, мы можем только догадываться, основываясь на литературных источниках и нотных материалах. Чтобы убедительно и достоверно передать в исполнении авторский замысел и стиль произведения, необходимо глубокое изучение музыкального текста, знание художественной практики и традиций эпохи, умение критически разобраться в различных изданиях и исполнительских редакциях.

Использование некоторых инструментальных средств и приемов, характерных для искусства XVII—XVIII веков, позволяет современному музыканту до известной степени приблизиться к исполнительской манере того времени; однако воспроизвести ее в точности не представляется возможным, да это и не обязательно. Главное — дать почувствовать всю красоту старинной музыки, раскрыть ее мысль, ее духовное богатство. Исполнение наряду со «стилизацией» должно заключать в себе определенный элемент «модернизации», направленный к тому, чтобы сделать эту музыку более живой и современной.

Работа музыкантов над старой партитурой напоминает труд и реставратора, и творца одновременно. Сохранив красоту, стиль, обаяние шедевра, на-

БАРОККО

до внести в него обновляющие краски, нечто свое ценное и прекрасное. Это и пытаются сделать ансамбль «Барокко», который возник в прошлом году при Ярославской филармонии.

Первый концерт был дан в сельском клубе в местечке Красный холм. Зал был полупустым. Но те, кто пришел, слушали внимательно, с добрым сердцем. Потом подходили, спрашивали про инструменты. Особенно интересовал своей необычностью клавесин. За первым концертом последовали другие — на шинном и моторном заводах Ярославля, на заводе дорожных машин в Рыбинске, в больших и малых городах страны. Теперь у ансамбля есть уже «своя» география от северной точки в Архангельске до южной в Ереване.

Ансамбль «Барокко» в творческом пути. Недавно с ансамблем начала выступать певица Маргарита Смирнова.

И вот уже шесть молодых музыкантов ведут кропотливую работу реставраторов и творцов.

В. РАБЕИ,
кандидат искусствоведения.

Огромную жестяную разрисованную доску на стене усеяли магнитные шашечки с цифрами. Прозвучит телефонный звонок, дежурный, приняв сигнал тревоги, подойдет, постоит, поразмышляет — и сделает ход. Вверх. Или вниз. Или в сторону.

В этих еженощных блицтурнирах обыкновенно проигрывает невидимый противник. Доска во всю стену — подробная карта Москвы, а шашечки на ней обозначают дежурные милицейские машины. Главный приз в этом заочном турнире — тишина и спокойствие города.

— Зачем же? Собаку не каждый раз тревожим. Бывает, что и сил районного отделения достаточно. Ну, а если особо сложный случай, едут эксперт, врачи и проводник с собакой. Но дежурят они каждую ночь. Мало ли что? Город вон как разросся...

БАЙКАЛ, СЛЕД!

Фото
Л. Лазарева

Майор Михаил Иванович Петухов рассказывает мне все это здесь, наверху, в комнате дежурных, а потом мы спускаемся по гулким ступеням на первый этаж, в его рабочий кабинет. Здесь тихо. Только телефонные звонки, да под самое утро зашаркала шваброй уборщица, и еще голоса коллег Петухова, которые, закончив дежурство, бросали в дверь: «Пока, Михаил Иванович! До скорого!»

— С Байкалом работали сколько? Да лет семь. Пока стареть не начал. Вот у меня дома тетрадка есть, там все записано: сколько вызовов за месяц, номер уголовного дела, кто задержан, на сколько имущества возвращено. И самые трудные раскрытия, между прочим, как раз на Байкала приходятся...

К середине ночи у меня стали откровенно слезаться глаза, и Михаил Иванович отвел меня в боковушку с письменными столами в ряд, с витой вешалкой, облепленной синими расклешенными шинелями, с пролежанным, жестким топчаном, на котором я и устроился.

...Сразу не понять, чего от меня хотят. Проявился в сонном мареве, подплыли к самым глазам запорожские усы дежурного по городу:

— Ну, так как, едем или поспим еще маненько? — И не без ехидства, вполне, впрочем, уместно. — Конечно же, без привычки целую ночь — где ее, бодрости, напасешься!

Фырчит во дворе газик, настораживается и рыкает в ответ на это светлым пятном заметный в темноте пес. Пятдесят килограммов натренированных мускулов и напряжение древнего инстинкта, подчиненного двум десяткам мгновенных, как выстрел, команд. Подруливает влптную машину, отщелкивают задние дверцы — разжимается пес пружины, одним мягким махом влетает внутрь и сразу в зарешеченную свою клетушку.

— Нежелательная связь, понимаете, — слышит ся силоватый тенорок Михаила Ивановича. Он тоже подошел к машине, я и не заметил когда. — Реакция на мотор — загромождение психики. Словом, нежелательный рефлекс. — Это свое сожаление Михаил Иванович адресует мне, потому что Игорю, так зовут молоденького проводника, все давно известно.

Пока машина мчит подсвеченной ночными фонарями Москвой, проводник, ласково раскатывая «р», объясняет мне:

— Негромкое дело: разбили стекло, унесли из магазина вино и еще шоколад, занусывать, верно. Возле магазина трое: участковый, дворник, еще кто-то...

— Ну, прохиндеи, «Шипру» флаконов пять извели, прямо не продам, а парикмахерская, какая уж теперь работа, один чих, — волнуется участковый.

Проводник отворяет клетушку, собака спрыгивает на стылый асфальт и... — я готов поклясться — обменивается взглядом с хозяином: что, мол, ты предлагаешь?

Когда мы с участковым, совершенно запыхавшиеся, догоняем проводника, пес расслабленно рыскает по северу, вежливо обнюхивает липы, кирпичики, положенные вдоль клумбы.

— Ну? — выдыхает участковый.

— Вон куда след уперся, — машет проводник в сторону темнеющего парадного. — А дальше уж твоя забота!

Мы возвращаемся, когда уже совсем рассвело. Я снова захожу к майору Петухову и жалуясь, что, мол, скучное дело мне досталось. А в ответ слышу:

— Не все сразу. Он же вывел к парадному, теперь только раскручивай. Вы что, хотели, чтобы как в кино?

И снова течет у нас неспешный разговор о Барсе и Альтоне, о Красавце, о могучем инстинкте и человеческом упорстве...

А через несколько дней я увижу по телевизору старую киноленту «Дело пестрых» и во весь экран — не отмеченного в титрах Михаила Ивановича Петухова и его знаменитого Байкала. Того самого, рассказ о котором читатель «Кругозора» может услышать на четвертой звуковой странице...

Борис ВАХНЮК

Москва, Петровка, 38.

НИКИТИНСКИЕ СОВЕЩАНИЯ

В 1914 году в Москве появилось литературное объединение «Никитинские субботники». С тех пор по субботам во Вспольном переулке у Евдоксии Федоровны Никитиной собираются писатели, артисты, художники, любители литературы. На этих вечерах читали свои произведения Луначарский, Есенин, Багрицкий, Булгаков. Выступали с импровизацией Москвин, Качалов.

Мы предлагаем два рассказа Евдоксии Федоровны Никитиной, которая известна и как собирательница редких книжных изданий.

Я расскажу о книге с необычной судьбой. Она была выпущена издательством «Шиповник», где выходили собрания сочинений Куприна, Андреева и других известных писателей. Но особенно популярностью пользовались альманахи «Шиповника».

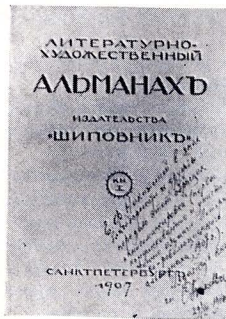
Одним из издателей «Шиповника» был замечательный человек, очень прогрессивный, его называли все «Эс.Ю.» — Соломон Юльевич Коппельман, отец советского писателя Юрия Крымова. «Эс.Ю.» часто говорил:

— Мне хочется создать такую книгу, прочитай которую бывшие, настоящие и будущие цари сразу бы умерли от того, что там о них написано.

Конечно, никакая цензура не разрешила бы такой книги. Но и сама работа над ней в тех условиях — это был 1907 год, разгул реакции — было дело мудреное, почти невозможное. И все-таки издатель не отказался от своей мысли.

Книгу готовили как историко-революционный календарь. Предполагалось, что заметки литераторов будут даны без подписи. На тех же условиях было предложено и крупнейшим художникам сделать 12 рисунков-вкладышей — по числу месяцев. Но на одной из подготовительных встреч художник Иван Яковлевич Билибин сказал:

— Друзья! Задумана очень интересная книга. Позвольте и нам, художникам, подойти к этому делу не просто по-обывательски. Мы не хотим оставаться безымянными участниками. Мы даем рисунки, и мы ставим под ними свою подпись.

Предложение героическое, потому что рисунки, надо сказать, были очень острые. Например, январь—это трупы расстрелянных рабочих и кровь на снегу. И если бы книга дошла до широкой публики, а на это делался расчет, ее авторам не миновать бы репрессий.

Несколько передовых рабочих-полиграфистов, которым доверял «Эс. Ю.», тайно набирали книгу. Наконец наступил день, когда в кабинет издателя двое рабочих принесли готовый том. Руки у них были вымазаны типографской краской. Положив книгу на стол, они отошли в угол комнаты, где лежали стопки белой бумаги, вытерли бумагой руки и бросили ее в этот же угол. Такая неаккуратность даже поощрялась: в макулатурном углу — так он назывался — под ворохом грязной бумаги хранились прокламации и пригласительные билеты на нелегальные заседания.

И вот человек, которому так дорога была идея выпуска этой книги, взял ее первый пробный экземпляр в руки и сказал:

— Ну что же, я прочту все сегодня с начала до конца, а завтра начнем печатать.

Но что делать с обложкой? Нашли такой выход: приклеить ко всем книжкам обложку от первого, давно распроданного альманаха «Шиповник».

«Эс. Ю.» взял на себя подготовку бандеролей: 740 экземпляров он отправлял по определенным адресам. Когда все было упаковано и семь тысяч томов погрузили на подводы, сам издатель вышел проводить свой ценный груз к воротам. Зазвенели железные засовы... По ту сторону ворот ждали жандармы. Один из них улыбнулся и сказал:

— А, вы везете альманах «Шиповник», книгу первую. Замечательно. Ну, везите, везите, только по адресу, который дадим вам мы.

Впоследствии стало известно, что один из рабочих оказался провокаторм, сотрудником охраны.

«Эс. Ю.» вернулся в свой кабинет. Было ясно, что он будет арестован в первую очередь. Но не это пугало его. Получалось, что он своей рукой составил для охраны список наиболее «опасных», то есть тех адресатов, которые должны были получить по 15—20 книг.

Часов около пяти утра — а он так и не уо-

дил из издательства — раздалися шаги на лестнице, и к нему в кабинет вошли несколько человек. Лица их сияли.

— Вы знаете, правительство дало распоряжение все книги свезти в одно место, облить керосином и сжечь. Теперь никто не пострадает, никто! Потому что все книги сожжены!

Конечно, это была замечательная новость. Но у издателя как будто даже и не нашлось сил обрадоваться.

— Господи, что с вами случилось?

За одну эту мучительную ночь человек сделал совершенно белым — ни одного черного волоска.

...Летом 1940 года вся семья «Эс. Ю.» гостила у меня на даче. Подошел день отъезда. Нам было грустно расставаться. Совершенно неожиданно глава семьи протянул мне сверток. Я подумала: по-видимому, коробка конфет, ну, уж это зря. Но, оказывается, в белых листах была завернута книга. Это радость! Да еще книга, так хорошо оформленная. Переплет — изумительная шагреновая кожа. Я открыла первую страницу: альманах издательства «Шиповник». И надпись: «Евдосии Федоровне Никитиной в знак благодарности и дружбы передаю этот образец книгомаскировки (первое конфискованное и уничтоженное издание историко-революционного альманаха, 1907 год)».

— Под занавес,— добавил «Эс. Ю.»,— могу вам рассказать, как сохранился этот единственный экземпляр. В макулатурном углу, где были спрятаны прокламации, мы складывали на всякий случай и каждый печатный лист календаря. Я попросил, чтобы рабочие все досконально просмотрели: вдруг удастся собрать экземпляр! Нашли все листы, кроме третьего. «А третий давайте наберем,— предложил я.— Буду с вами тоже работать». И вот с тех пор, с 1907 года, эта книга хранилась

у меня, я ее берег. Теперь пусть хранится она у вас, Евдосия Федоровна. И, может быть, когда-нибудь при случае расскажете о том, как она создавалась, сколько было переживаний у людей, которые ее делали.

Второй рассказ Евдосии Федоровны Никитиной вы услышите на звуковой странице.

В 1922 году И. Бабель работал репортером в газете «Заря Востока». Много лет спустя, уже будучи знаменитым, он писал об этом периоде: «С первыми номерами «Зари Востока» связана счастливая пора моей жизни в Тифлисе и начало литературной работы...» Материалы И. Бабеля шли в газете под псевдонимом К. Лютов. Так же подписан и рассказ о первых домах отдыха для рабочих, который мы публикуем.

За верандой — ночь, полная медленных шумов и величественной тьмы. Неиссякаемый дождь обходит дозором лиловые срывы гор, седой шелестящий шелк его водяных стен навис над грозным и прохладным сумраком ущелий. Среди неумолимого ропота роющей воды голубое пламя нашей свечи мерцает, как далекая звезда, и неясно трепещет на морщинистых лицах, высеченных выразительным резцом труда.

Три старика портных, кротких, как няньки, и очаровательный М., так недавно потерявший глаз, да я, заезженный горькой и тревожной пылью наших городов, — мы сидим на веранде, уходящей в ночь, в беспредельную и ароматическую ночь... Неизъяснимый покой материнскими ладонями поглаживает наши нервные и сбитые мускулы, и мы неторопливо и мечтательно пьем чай — три кротких портных, очаровательный М. да я, загнанная и восторженная кляча.

Мещане, построившие для себя эти «дачки», бездарные и безнадежные, как пузо лавочника, если бы вы видели, как мы отдыхаем в них... Если бы вы видели, как свежеют лица, изжеванные стальными челюстями машин...

В этом мужественном и молчаливом царстве покоя, в этих пошленьких дачках, чудесной силою вещей преобразенных в дома отдыха для рабочих, затаилась неуловимая и благородная субстанция живительного безделья, мирного, расчетливого и молчаливого... О, этот неповторимый жест отдыхающей рабочей руки — целомудренно скупой и мудро рассчитанный. С пристальным восхищением слежу я за ней, за этой направленной судорожной и черной рукой, привыкшей к неустанной и сложной душе моторов... От них взяла она эту покорную, молчащую и обдуманную неподвижность утомленного тела. Философия передышки, учение о возрождении израсходованной энергии,

В ДОМЕ ОТДЫХА

как много узнал я о вас в этот шумливый вечер, когда портные и металлисты пили свой патриархальный, нескончаемый, стынущий чай на террасе дома отдыха во Мцхете.

Накачиваясь чаем, этим бодрым шампанским бедняков, мы степенно, истово потеем, любовно перебрассываемся негромкими словами и вспоминаем историю возникновения домов отдыха.

Лето им от рождения идет первое. Всего только в феврале настоящего года выехала во Мцхет комиссия Совпрофа Грузии для первоначальных изысканий. Дачи были найдены в состоянии ужасном — наидынные, запакоченные, разбитые. Как известно, штрафы,

наложенные Совпрофом на лавочников всех мастей за нарушения правил об охране труда, достигли утешительной суммы в шестьсот миллионов рублей. Так вот, полтора миллиона из этих денег были истрачены на превращение полуразрушенных дач в дома отдыха, из чего убедительно явствует, что буржуазия на свои кровные (из слова — кровь) деньги содержит первые в Грузии здравницы для рабочих, за что ей низкое спасибо. К сожалению, звучный арсенал комплиментов, приведенных выше, не может не быть отравлен упоминанием о тех изумительных и героических усилиях, которые употребили в борьбе с Совпрофом владельцы дач. Они грозилась дойти до «государя». И они дошли. Но «государь» (по новой орфографии — ВЦИК) был скор и справедлив. Челобитчики вышли от него со скоростью, обратно пропорциональной медленности их прибытия. Они опоздали родиться лет этак на двадцать — вот какую мораль вынесли из этого небольшого дела владельцы в своих неумоливых исканиях истины.

Период устройства и перестройки мцхетских дач еще продолжается. Поэтому не лишни будут здесь советы, пропитанные добрым чувством и любовью. Питание, в общем здоровое и обильное, следовало бы усилить по утрам и к ужину. И еще: хорошо бы уничтожить в домах Совпрофа этот сакраментальный и надоевший характер общегитания. Больно уж бывает от него тошно нам, скитальцам по мебелирашкам, канцеляриям и казармам. Угол, исполненный чистоты, уюта и прилизительного уединения, — вот что нам нужно в те счастливые две недели, когда мы разминаем натруженную и хрипящую грудь.

Действует уже библиотечка. Это хорошо. На будущей неделе начнутся по вечерам небольшие концерты для отдыхающих. А пока мы пробавляемся «дурачком». Но, боги, с каким огнем, с какой неистраченной кипучестью и задором проходит эта ласковая и нескончаемая игра, нагретая, как дедовская кацавейка! Не забыть мне этих простых и сияющих лиц, склонившихся над замусоленными, затрепанными картами, и надолго унесу я с собой воспоминания о счастливом и сдержанном хохоте, звучащем под шум умирающего дождя и горных ветров.

Закавказье. 1922 год.

Рисунок М. Шестопала

Есть разговоры, припоминаемые к случаю. Как правило, они кажутся только что придуманными... Но у меня-то есть оправдание: разговор, который я хочу пересказать, — сушая правда.

Автобус шел от аэропорта. Въезжали в город. Проплыл базар... Это можно было определить и с закрытыми глазами, наверное, это был запах, которому тоже две с половиной тысячи лет.

Вероятно, каждый в автобусе, втянув воздух, представил себя что-то жующим. Мое обоняние не ахти как тонко, я не оригинален — я «ел» дыню. Видел ее, как живую, разваленную блестящим, длинным и тонким ножом напополам, невероятно прохладную. Кто-то, быть может, мог уловить более изысканные запахи. Эти счастливицы «ели» искрящийся виноград, про который нельзя сказать просто сладкий — и сахар «сладкий»!

Не знаю, обладал ли кто в автобусе столь тонким обонянием, чтобы представить себя погружающим губы в самаркандские гранаты. Или зажавшим в ладони янтарные урючины, сквозь которые, как свозы желтое увеличительное стекло, видны «линии жизни» на руке. Все эти запахи просто не могли не наполнять наш автобус. Возможно было задохнуться от упывающих яств...

И тут я заметил, что один из нас ничего не «ел». Это был узбек. Он снисходительно слушал.

— А это? Это что такое? — теребил один из явно приезжих другого. — Смотри... Смотри!

Оба они, когда запахи базара еще преследовали автобус, «ели», по-моему, арбуз; второй ле-

гоньно придерживал ногой большой желтый чемодан очень отработанным, привычным движением человека, которому случилось в одни сутки побывать сразу на нескольких вокзалах нашей необъятной: еще видно было, что едут они сюда работать, едут издали, наверно, с севера, и уже не против остаться здесь надолго.

— Минарет какой-то... — неуверенно ответил другой.

— Вот бы внутрь попасть...

— Не пускают, наверно, — уже с большей уверенностью решил придерживающий чемодан.

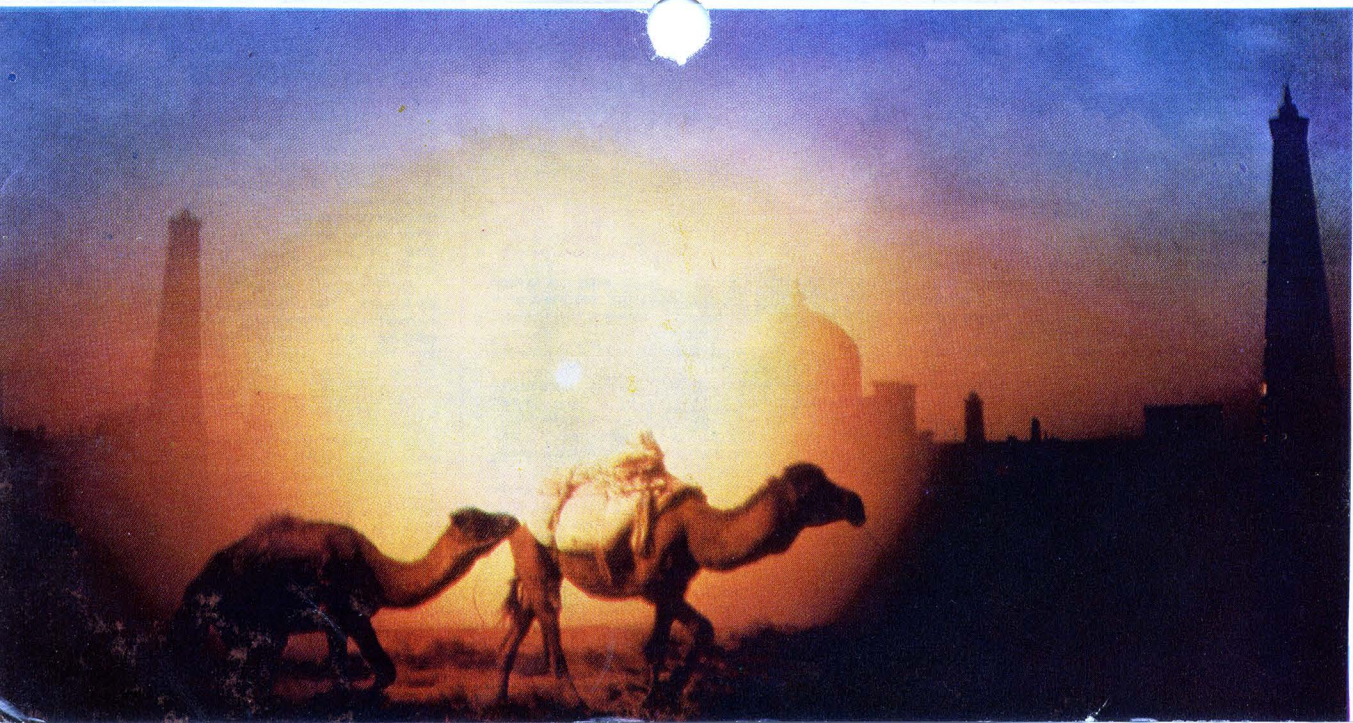
— Да нет, там люди ходят, гляди...

То, что они называли «этим», был Регистан. Узбека так и распирало гостеприимство, и он наконец не утерпел, сказал о Регистане. Еще он сказал, что туда пускают. Это и я готов был сказать, потому что Самарканд — удивительный город, здесь всюду «пускают», просто «пускают» — и все! Я своими глазами видел человека, который сомневался: а есть ли вообще внутри минарета лестница, по которой и поднимался когда-то муэдзин? Тогда ему молча отворили дверь — и видели бы вы лицо этого толстенького человечка!

Автобус наш все шел, не удаляясь от стен Регистана, потом круто свернул — пошла новая стена изразцов, залитых солнцем; и хотя мы ехали уже чуть в отдалении, но все равно видно было, что маршрут продуман и специально рассчитан на то, чтобы поразить попадающего в Самарканд.

Тут-то узбек сказал:

СЫЛЬНЕЕ МЕЧА

— Самарканд самый старый. Как Рим... и как... — Москва? — подсказал кто-то.

Узбек только рукой махнул: куда там!

В разговор вступило уже пол-автобуса, называли Киев, соседний Панджикент, Дербент... Кто-то робко предложил: «Может, Тбилиси?» «Нет», — качал головой узбек.

Никто так и не догадался назвать Вавилон. Я тоже тогда еще не знал, что Самарканд именно, как Рим и Вавилон, существует со «времен неведения» и на земле просто нет человека, который бы мог с определенностью сказать, сколько же Самарканду лет. Потом я ходил по городу. Не один раз, заглядевшись на какой-нибудь тонуший в голубом небе синий купол, незаметно для самого себя переходил из старого города в новый и всякий раз был немного ошеломлен и рад, что так и не обнаружил границы.

Если новый город вытеснит соперника совсем, думаю, то это будет уже совершенно иной, незнакомый ни мне, ни кому-то другому Самарканд; но и без нынешнего нового города старый не был бы сегодняшним Самаркандом, тем, который я вижу и, слабо зная, просто плутаю в котором. Мне казалось, что не такие уж они яростные соперники. Разве Афрасиаб может быть чьим-то соперником? Разве Василий Блаженный «позволит» себе с завистью «смотреть» на высотный дом? А сколько он уже их «видит»!

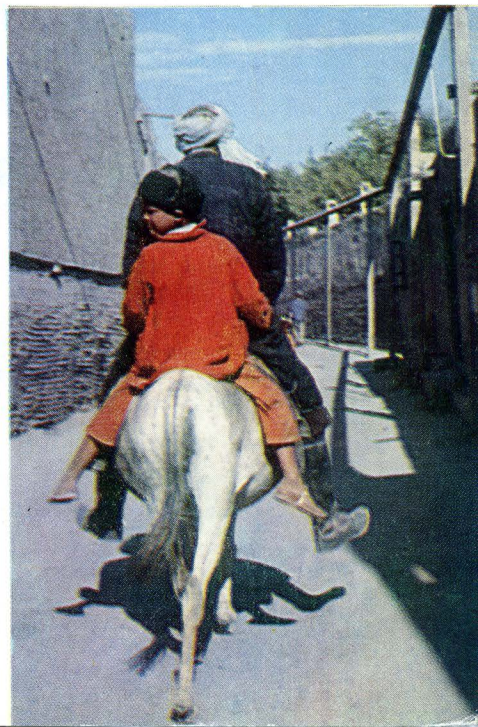
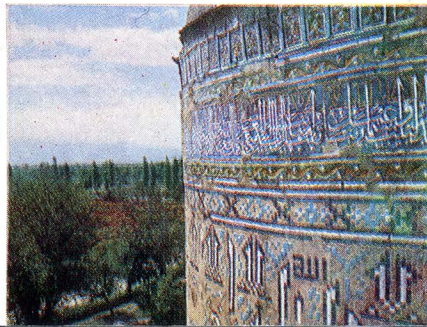
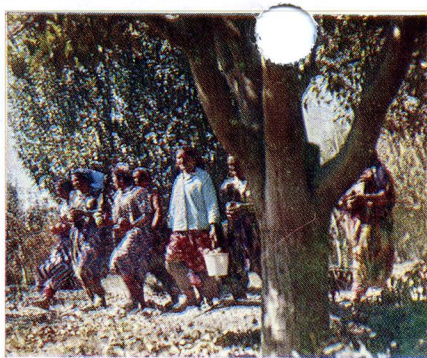
Если говорить о серьезном сопернике новому городу, то это только множество глиняных домиков с плоскими крышами; сколько ни думай и ни

вдыхай об их живописности (действительно замечательной!), все равно их неудобство само собой должно будет решить спор, и не в их пользу.

Честно говоря, меня смущало одно. Наверно, это смущает в каждом очень древнем городе: в самом основании нового, сколько ни вглядывайся, не заметишь расчета на то, что это новое собирается стоять вечно. Рядом со сказочными куполами Самарканда, которым уже не счастье лет, это особенно заметно. Но и этому есть оправдание: разве оказались вечны глиняные домишки, окружавшие Афрасиаб сотни лет?

Последнее размышление застигло меня у нефритового надгробия Тимура. Старик-служитель в каморке наверху оторвал мне за гривенник билет и даже спросил, не студент ли я, — тогда посещение и совсем бы обошлось мне в пятак! — так посетители покупают себе здесь возможность подумать о бренности владык... О чем же думать, глядя на испещренный витыми надписями камень в чуть сырой прохладе и сумраке мавзолея Гур-Эмира? О том, что город видел в своей истории все возможное (и невозможное тоже!), начиная от нашествия Македонского и не кончая длинным рядом почти полных разорений и опять расцветов, где кельма строителя побеждала меч завоевателя; о том, что городу, судя по последним находкам археологов, не меньше двух с половиной тысяч лет; что Тимур удостоился вот этого камня, когда ему было под семьдесят, а мне, стоящему перед ним... Но, может, вас и не посетит эта мысль, когда вы будете стоять перед нефритовым камнем.

Ю. ЛЕКСИН
Фото Н. Рахманова

слушайте
в
номере

10(67) октябрь 1969.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАТЕЛЬ:
КОМИТЕТ
ПО РАДИОВЕЩАНИЮ
И ТЕЛЕВИДИНИЮ
ПРИ СОВЕТЕ
МИНИСТРОВ СССР

На первой странице
обложки — «Таллин».
Рисунок
Эдгара Вальтера
(Эстония).

Режиссер
Н. Субботин
Художник
А. Луцкий
Технический
редактор
Л. Петрова

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

Адрес редакции:
Москва, ул. академика
Королева, 12.
Телефоны редакции:
181-79-53, 181-79-48.

Б 04920. Подп. к печ.
15/IX 1969 г.
Формат бумаги 84×108¹/₁₆.
Усл. п. л. 1,68.
Уч.-изд. л. 1,4.
Гираж 350 000 экз.
Зак. 2414. Цена 1 руб.

Ордена Ленина
типография
газеты «Правда»
имени В. И. Ленина.
Москва, А-47,
ул. «Правды», 24.

Звуковые страницы
изготовлены Всесоюзной
студией грамзаписи
фирмы «Мелодия»
и Государственным Домом
радиовещания и звукозаписи.

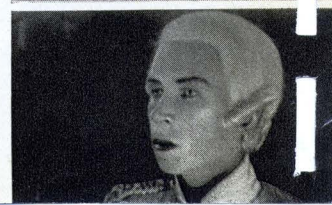

Среди неповторимых свойств таланта есть и такое: умение актера встать выше своего героя и в самом вдохновенном перевоплощении подчинить героя собственной воле, собственной неповторимости.

Таков Эраст Павлович Гарин. Это удивительный мастер, чьи роли нельзя ограничивать только комедийным амплуа. Я скорее назвала бы его актером трагикомическим — грустным комиком или комическим трагиком. Ибо Гарин всегда рисует не одной краской, а несколькими, иногда противоположными, потому что в явном, примитивно понятном всегда ищет обратное, парадоксальное. Оттого каждая его роль не похожа на предыдущую.

Зная около тридцати его работ в кино, вы никогда не спутаете Подколесина в «Женитьбе» с женихом в «Свадьбе», дьячка в «Ведьме» со стариком в «Монете». Даже три его короля — в «Золушке», «Обыкновенном чуде» и «Каине восемнадцатом» — разные, непохожие, будто спорящие друг с другом. Но все это один и тот же автор — Шварц, один и тот же актер — Гарин. А вот не спутаешь.

Губительная для актера вещь — повторение, хотя трудно устоять против его соблазна. Особенно если он нравится, если его приемы вызывают восторг, если зритель хочет смеяться над уже ви-

денным и этим как бы требует повторов. Но ум и талант Гарина никогда не позволяли ему легко относиться к профессии, хотя симпатии зрителей могут иногда толкать на проторенные пути.

Старик в кинофильме «Монета» не вызывает смеха. Напротив, чувствуешь страх за слабого перед сильным, хоть им оказывается ребенок. Смешна ситуация, смешон диалог. Смешна пластинка актера, его мимика. Трагичен Гарин — трагичен и его старик.

Но дьячок в «Ведьме» — тоже старик. Однако ни его справедливая борьба за собственные права, ни его жалкость не вызывают наших симпатий и сострадания. Гарин-актер, стоящий над Гариным-дьячком, диктует второму условия игры.

Сегодня он играет Тарелкина, плута-чиновника, а когда-то в спектакле Вс. Мейерхольда играл Чацкого. Чацкого! Роль не характерную, не трагикомическую, далекую от всякого веселья. Какой громадный диапазон, какие возможности в этом актере, если мы, привыкшие улыбаться при имени Гарина, вдруг представим себе умницу Чацкого, до того умницу, что ему, человеку, горе в обществе злобных манекенов! Недаром Мейерхольд восклицал своим спектаклем, самым его названьем: «Горе уму»!

Вчера Чацкий, а сегодня всеми принятая «Свадьба» и прилизанный на пробор идиот, про-

ЭРАСТ ГАРИН

износящий с гонором высокомерную абранадабру: «Позвольте вам выйти вон!»

«Свадьба», а потом «Синяя птица» и роль... секретарши, дамы с претензией на свежесть и кокетство. Вам и в голову не придет негодовать, что вас так откровенно и бессовестно разыгрывают. Но кто еще, кроме Гарина, мог бы так выразительно и точно сыграть эту роль?..

Если вам повезло и вы видели многие работы Гарина, то прекрасно помните и диалоги, и мизансцены, и особенно выражение глаз актера. Это самое удивительное — глаза Гарина, приносящие в роль ум, доброту, глупость, жестокость, холодность, наивность, хитрость. Вы обязательно прочтете в его глазах именно то, что он хочет передать. Глаза не скопируешь, как интонацию, так же как не скопируешь пластику, повадку, мимику. Повторить актера Гарина невозможно.

Чем занят он сейчас? Ставит «Горе от ума» в трактовке Мейерхольда на сцене Театра-студии киноактера, где в свое время им, Гариним, уже были поставлены «Мандат» Эрдмана и «Смерть Тарелкина» Сухова-Кобылина.

А чем Гарин будет заниматься завтра? Играть роль, писать книгу, ставить фильм или снова репетировать пьесу — он пока не знает.

С. ДАВЫДОВА

ЭСТРАДА ПЛАНЕТЫ

ГАБИ НОВАК

Югославия

12

Цена 1 руб.

Среди многих «звезд» югославской эстрады, давно и вполне заслуженно пользующихся большой популярностью, Габи Новак занимает одно из первых мест. Ее чуть хрипловатый, нежный и вместе с тем выразительный голос покоряет незаметно, ненавязчиво, но прочно. Свой стиль исполнения Габи Новак выработала или, правильнее сказать, создала с помощью композитора Стипицы Калоджера и певца Арсена Дедича. Этот стиль, лежащий далеко в стороне от бит-музыки, отличает мягкая манера пения, без ярких контрастов, как бы в полутонах. Поэтому лирическая песня и занимает главное место в репертуаре певицы...

Особенно хорошо голос Габи Новак звучит на магнитной пленке. Музыкальность позволяет ей легко пользоваться различными приемами современной звукозаписи.

В искусстве своем певица не старается угодить неискушенной публике. Она просто и с достоинством несет лучшие традиции югославской эстрадной песни.

Габи никогда не думала, что станет певицей. Она любила петь для себя. К тому же были основания надеяться на карьеру художника. После окончания гимназии Новак поступила в Академию прикладного искусства, увлеклась дизайном (художественным конструированием), моделированием.

Способности были замечены, и она начала сотрудничать с блестящим художником-мультипликатором Душаном Вукотичем. Но, как это часто случается в биографии талантливого человека, однажды Габи Новак выступила в концерте самодеятельности. Ее услышал Стипица Калоджер и постарался уговорить всерьез заняться пением.

Прошло несколько лет упорной, серьезной работы, пока на фестивалях югославской эстрадной музыки в Загребе (в этом городе Габи Новак родилась), в Белграде, Опатии забылось новое имя. Награды, премии, гастроли в Советском Союзе, в Италии, Франции, Польше не вскружили голову молодой певице. Она по-прежнему много работает.

А. ПЛЕВАКО
Белград